

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА НАКАНУНЕ НОВЫХ ПОТЯСЕНИЙ: ШАНСЫ И РИСКИ ДЛЯ РОССИИ

Базовые тренды

В 2024 г. мировая экономика продемонстрировала частичную адаптацию к тем вызовам, с которыми она столкнулась в период с 2022 г. в условиях резкого нарастания геополитической турбулентности. Несмотря на то, что по данным МВФ темпы роста мировой экономики по итогам года, составившие 3,3%, оказались на 0,2 процентных пункта (п.п.) ниже, чем в 2023 г., и на 0,3 п.п. хуже показателей 2022 г., в целом можно говорить об определенной ребалансировке глобальных хозяйственных процессов. В экономически развитых странах, серьезно пострадавших от последствий геополитических потрясений (что выразилось в замедлении темпов роста ВВП с 2,9% до 1,7% в 2022–2023 гг.), темпы роста в 2024 г. стабилизировались на уровне 1,8%, в то время как ВВП в странах с развивающимися рынками рос в 2,4 раза быстрее – на 4,3%. Объем мировой торговли товарами и услугами увеличился в 2024 г. на 3,8% по сравнению с рекордно низким с 2010 г. (за исключением кризисного «провала» в 2020 г.) показателем 2023 г., когда он составил всего 1,0%; в свою очередь, темпы роста товарного экспорта (3,3%) восстановились после падения на 0,4% в предыдущем году, даже превысив уровень 2022 г. (2,5%). Инфляционные угрозы также демонстрировали тенденцию к затуханию: средние темпы роста розничных цен в экономически развитых странах снизились до 2,6% по сравнению с 7,3% в 2022 г. и 4,6% в 2023 г.; в странах с развивающимися рынками соответствующий показатель в 2024 г. составил 7,7% по

¹ Афонцев Сергей Александрович, член-корреспондент РАН, д.э.н., заместитель директора Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений им.Е.М.Примакова РАН (ИМЭМО РАН).

сравнению с 9,5% в 2022 г. и 8,0% в 2023 г. В то же время интерпретировать данные тенденции как признаки устойчивой стабилизации мировой экономики было бы преждевременно.

Во-первых, основной вклад в хозяйственное оживление экономически развитых стран внесло корректирующее (после шоков 2023 г.) улучшение ситуации на Европейском континенте. В странах еврозоны экономический рост по сравнению с предыдущим годом ускорился с 0,4% до 0,9%, в странах Европейского союза в целом – с 0,6% до 1,1%, в Великобритании – 0,4% до 1,1%. В то же время в США темпы экономического роста повышения не демонстрировали (2,8% по сравнению с 2,9% в предыдущем году), а в Японии претерпели обвал с 1,5% до 0,1%.

Во-вторых, несмотря на замедление роста ВВП в странах с развивающимися рынками до 4,3% по сравнению с 4,7% в 2023 г., их показатели по-прежнему превышают уровень 2022 г., составлявший 4,1%. Данный эффект в двухлетней перспективе, однако, всецело объяснялся динамикой роста в странах Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, а также в России. При этом в упомянутой группе азиатских стран основной вклад в региональное экономическое оживление внес Китай, ВВП которого в 2024 г. увеличился на 5,0% по сравнению с 3,1% в 2022 г. Напротив, в Индии темпы роста ВВП сократились по сравнению с показателями не только 2023 г. (9,2%), но и 2022 г. (7,6%), что может указывать на то, основной «геополитический дивиденд», связанный с приобретением на выгодных условиях российских энергоносителей (прежде всего сырой нефти), индийская экономика уже получила, и в последующие годы ускорение экономического роста благодаря данному фактору является маловероятным. В целом приходится констатировать, что ни экономически развитым странам, ни странам с развивающимися рынками так и не удалось найти успешной адаптационной стратегии перед лицом вызовов, возникших в новых геополитических реалиях.

В-третьих, начавшееся оживление глобальной торговли в конце 2024 – начале 2025 гг. столкнулось с рисками, масштабы которых еще только предстоит оценить. Эти риски связаны с тарифными инициативами вернувшегося на пост президента США Д. Трампа, предполагающими масштабное повышение американских импортных пошлин. Непосредственно в день своей инаугурации (20 января 2025 г.) Д. Трамп обнародовал новые принципы внешнеторговой политики США (*America First Trade Policy*), основанные на необходимости преодоления «несправедливой и несбалансированной торговли». С начала февраля он ввел повышенные пошлины против товаров из КНР, а также из ближайших стран-партнеров – Канады и Мексики, входящих вместе с США в трехстороннюю зону свободной торговли *USMCA*. При этом, если переговоры с Канадой и Мексикой привели к отсрочке применения части введенных пошлин, то в случае КНР началась взаимная эскалация импортных пошлин, возродившая угасшие в 2020 г. опасения относительно начала полномасштабной торговой войны США и КНР. В начале апреля Д. Трамп ввел пошлины на подавляющее большинство товаров, импортируемых в США из 184 стран и территорий, а также из Европейского союза. С учетом того, что в мире в настоящее время насчитывается всего 193 стран-членов ООН, то торговая война объявлена фактически всему миру. И хотя впоследствии вступила в силу временная приостановка действия большинства пошлин для проведения торговых переговоров с заинтересованными сторонами, последствия столь радикального разворота во внешнеторговой политике США могут существенно подорвать потенциал роста мировой экономики в 2025 г.

Ситуация в основных странах и регионах мировой экономики

С учетом регуляторных инициатив во внешней торговле, анонсированных новой администрацией Д. Трампа, наибольший интерес в

современных условиях представляет развитие ситуации в американской экономике. Как и в предыдущем году, в 2024 г. США демонстрировали наиболее высокие среди крупных развитых экономик темпы роста ВВП (2,8%), равно как и темпы роста внутреннего спроса в реальном выражении (3,1%). В то же время рост спроса на импорт в 2024 г. в американской экономике носил опережающий характер: объем импорта товаров в США увеличился на 6,0%, импорта услуг – на 8,8%. С учетом того, что темп роста товарного экспорта оказался более чем в 3 раза меньше темпов роста импорта, в 2025 г. был зафиксирован рекордно высокий уровень дефицита торгового баланса по товарам, размер которого превысил 1,2 трлн долл. (при этом профицит в торговле услугами оказался более чем в 4 раза меньшим – 293,4 млрд долл.). Более двух третей (68,1%) совокупного дефицита США в торговле товарами приходится на четырех партнеров – КНР (295,4 млрд долл.), ЕС (235,6 млрд долл.), Мексику (171,6 млрд долл.) и Вьетнам (123,5 млрд долл.). Именно негативная динамика внешнеторгового дефицита стала одним из главных аргументов, выдвигаемых администрацией Д. Трампа в пользу повышения импортных пошлин как средства борьбы с «несправедливостью и несбалансированностью» в торговле товарами.

В отличие от США, экономика стран еврозоны продолжала находиться под негативным давлением геополитических факторов. Из двадцати стран зоны евро в пяти (Германия, Австрия, Финляндия, Латвия и Эстония) наблюдался экономический спад, хотя лишь в одном случае его глубина превысила 1 п.п. Наиболее пострадавшей страной оказалась Австрия, для экономики которой в силу ее географического положения особенно тяжелым шоком стало ограничение доступа к российским энергоносителям (спад ВВП на 1,2%). В целом по зоне евро темпы роста ВВП оказались почти в 4 раза меньше, чем в 2022 г. (0,9% по сравнению с 3,5%). Особенно тревожная ситуация складывается на протяжении последних лет в обрабатывающей промышленности ведущих стран еврозоны, которые

традиционно относились к числу индустриальных лидеров современного мира. Непрерывное снижение помесечных показателей производства продукции обрабатывающей промышленности (по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года) наблюдалось в Австрии с мая 2023 г., в Германии – с июня 2023 г., в Италии и Нидерландах – с июля 2023 г., во Франции – с мая 2024 г. Схожая ситуация в 2024 г. стала характерна и для Великобритании, где с июня минимальный рост производства обрабатывающей промышленности наблюдался лишь в течение двух месяцев.

Долгосрочное снижение конкурентоспособности обрабатывающих производств в европейских странах имеет целый ряд причин – от роста издержек на рабочую силу ввиду старения населения и повышения социальных платежей бизнес-субъектов до роста расходов на реализацию экологических проектов и отказа от углеводородного топлива в контексте реализации приоритетов «зеленой экономики» и «зеленой энергетики». С 2022 г. к этим факторам прибавились последствия санкций против энергетического экспорта из Российской Федерации, которые особенно сильно отразились на европейском рынке природного газа, фьючерсные цены на который в течение 2024 г. выросли в 3 раза. Рост цен на энергоносители объективно способствует дальнейшему ослаблению рыночных позиций европейских производителей промышленной продукции. На этом фоне неудивительно, что, несмотря на сохраняющуюся в ЕС политическую истерию вокруг вопросов экономического сотрудничества с Российской Федерацией, европейские бизнес-субъекты сохраняют готовность к закупке российского углеводородного сырья. По данным Евростата, объем импорта сжиженного природного газа из России в IV квартале 2024 г. превосходил уровень I квартала 2021 г. на 18% в физическом выражении и в 2,74 раза – в стоимостном. В результате по состоянию на IV квартал 2024 г. Россия занимала второе место по поставкам

сжиженного природного газа в ЕС, контролируя 22% его импорта и уступая по этому показателю только США (36%).

Несмотря на то, что средние темпы роста в группе стран с развивающимися рынками в 2024 г. (4,3%) превышали показатель 2022 г. на 0,2 п.п., по сравнению с 2023 г. они снизились на 0,4 п.п. Основной вклад соответствующее снижение внесло замедление роста в КНР (с 5,4% до 5,0%) и в Индии (с 9,2% до 6,5%). Во многом этот процесс носил объективный характер: став главными бенефициарами роста геополитической напряженности (в частности, сумев использовать возможности, связанные с переориентацией российского сырьевого экспорта в восточном направлении), эти страны реализовали основной потенциал соответствующих импульсов роста уже в 2023 г., и в последующие годы его вклад в динамику ВВП будет снижаться (сохраняя, однако, важное значение для поддержания достигнутых уровней выпуска в национальной экономике).

Что касается краткосрочных рисков для китайской экономики, то в начале 2025 г. на первый план выдвинулась угроза начала полномасштабной торговой войны с США, связанная со взаимной эскалацией внешнеторговых пошлин в контексте тарифных инициатив администрации Д. Трампа. Несмотря на объявленный в 2020 г. переход к модели экономического развития на основе стратегии «двойной циркуляции», предусматривающей усиление роли внутреннего рынка, экономическое развитие КНР продолжает во многом опираться на экспортный сектор. По данным китайской статистики, товарный экспорт в 2024 г. увеличился на 7,1%, в т.ч. экспорт механической и электронной продукции – на 8,7%, высокотехнологичной и инновационной продукции – на 6%. В этих условиях снижение экспортного потенциала из-за американских импортных пошлин и косвенного давления США на страны-партнеры КНР может сильно ударить по китайской экономике.

Замедление экономического роста в КНР и Индии стало определяющим фактором того, что в 2024 г. темпы роста в странах Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии оказались на 0,8 п.п. ниже, чем в 2023 г. В то же время многие экономики региона демонстрировали уверенное ускорение роста: Вьетнам – с 5,1% до 7,1%, Малайзия – с 3,6% до 5,1%, Таиланд – с 2,0% до 2,5%. В случае развития торговой войны между США и КНР именно страны Юго-Восточной Азии могут оказаться основными ее бенефициарами, принимая на своей территории покидающих КНР западных инвесторов и одновременно служа «перевалочными базами» для скрытого китайского экспорта в США.

Большинство других региональных групп развивающихся экономик смогли избежать замедления темпов экономического роста в 2024 г. В странах Латинской Америки соответствующие показатели наблюдались на уровне 2023 г. (2,4%). Страны Африки южнее Сахары уверенно занимали второе место среди региональных групп (после Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии) по темпам роста, продемонстрировав максимальное их увеличение – на 0,4 п.п. (до 4,0%). В группе стран Ближнего Востока и Центральной Азии также наблюдалось увеличение среднегодовых темпов увеличения ВВП, однако оно оказалось гораздо более умеренным (на 0,2 п.п. – до 2,4%). Уверенную динамику продемонстрировали региональные страны постсоветского пространства – их ВВП по итогам года увеличился на 4% и более, причем в Таджикистане его прирост составил 8,4%, в Киргизии – 9,0%, в Грузии – 9,4%. Это свидетельствует о принципиальной правильности выбранной этими странами стратегии на продолжение и развитие экономического сотрудничества с Российской Федерацией вопреки введенным против нее санкционным ограничениям.

Российская экономика: продолжение роста под угрозой

В 2024 г. перед российской экономикой стояла задача перехода от краткосрочной антикризисной адаптации к созданию предпосылок для продолжения динамичного экономического роста как минимум в среднесрочной перспективе. Это предполагало осуществление третьего за последние годы радикального разворота в экономической политике и экономическом развитии. На протяжении 2022 г. за счет масштабной реориентации внешнеэкономических связей и проведения мер макроэкономической стабилизации удалось избежать коллапса российской экономики, ожидавшегося инициаторами антироссийских санкций, и выйти на умеренные темпы падения ВВП в размере -1,4%, что оказалось не только меньше катастрофических прогнозов периода радикальной эскалации санкций (так, МВФ в апреле 2022 г. прогнозировал годовое падение ВВП России на 8,5%), но даже фактического снижения ВВП в течение коронавирусного кризиса в 2020 г. (-2,7%). В 2023 г. поддержка расширения внутреннего спроса (как по бюджетным, так и по рыночным каналам – за счет замещения импортных поставок производством отечественной продукции) обеспечила стране уверенный рост ВВП на 4,1%, что позволило впервые с 2012 г. обогнать соответствующий показатель по мировой экономике и существенно превзойти показатели экономически развитых стран – инициаторов антироссийских санкций. Для сохранения динамики роста в 2024-2025 гг. российской экономике предстояло найти механизмы наращивания выпуска при достигнутом уровне спроса за счет устранения «узких мест» в сфере предложения.

Согласно уточненным данным Федеральной службы государственной статистики РФ, ВВП страны в течение года увеличился на 4,3%, что на 0,2 п.п. выше показателя 2023 г. и на 1,0 п.п. превышает средний показатель по мировой экономике (опережение общемирового показателя наблюдается второй год подряд). Расширение промышленного производства также

демонстрировало ускорение: в 2024 г. оно увеличилось на 4,6% по сравнению с 4,3% в предыдущем году; при этом обрабатывающие производства демонстрировали опережающую динамику – на 8,5%. Существенно, что рост обрабатывающих производств происходил по широкому кругу отраслей – от выпуска готовых металлических изделий (35,3%), компьютеров, электронных и оптических изделий (28,8%), автотранспортных средств (16,5%) до лекарственных средств и медицинских материалов (18,0%), напитков (9,4%), мебели (7,7%) и одежды (5,9%). Таким образом, расширение внутреннего спроса затронуло производство как инвестиционных, так и потребительских товаров

Что касается сдерживающих факторов экономического роста, то влияние изменений внешнеэкономической конъюнктуры (в т.ч. связанных с введенными против Российской Федерации санкционными ограничениями) оказало влияние прежде всего на объемы сырьевого экспорта и, как следствие, на показатели работы добывающей промышленности, физический объем выпуска которой в 2024 г. снизился на 0,9% в годовом выражении. В качестве еще более значимого ограничителя экономического роста в экспертных дискуссиях 2024 г. неизменно фигурировал недостаток кадров. Общая численность безработных по методологии Международной организации труда сократилась в 2024 г. на 20,2%, достигнув значения 1,9 млн человек. С одной стороны, это позитивный признак приближения экономики к полной занятости – цели, которая традиционно рассматривается в качестве одного из ключевых приоритетов экономической политики. С другой стороны, дефицит рабочей силы возлагает дополнительные издержки на работодателей (номинальная среднемесячная заработная плата работников организаций увеличилась за рассматриваемый период на 18,3%), и в ряде случаев обуславливает принципиальную невозможность нанять квалифицированных сотрудников

даже при условии повышения заработной платы (если компании-конкуренты предлагают более выгодные условия).

Другая проблема, тесно связанная с ростом внутреннего спроса в условиях ограниченных возможностей расширения предложения, заключается в ускорении инфляции. В 2024 г. рост потребительских цен в России составил 8,5% по сравнению с 5,9% годом ранее. Руководство ЦБР, ориентируясь на установленный еще в 2015 г. целевой показатель готовой потребительской инфляции в размере 4%, в 2024 г. осуществляло последовательное повышение ключевой ставки, мотивируя его необходимостью приведения инфляции к указанному целевому показателю. В конце октября это значение было установлено на уровне 21%, который сохранялся и в последующие месяцы. Аргументы в пользу такой политики, однако, не являются свободными от критики.

Во-первых, целевой показатель инфляции в размере 4% мог бы рассматриваться в качестве приемлемого ориентира в стабильной макроэкономической ситуации, однако в контексте турбулентных геополитических условий, предъявляющих новые вызовы как российской экономике, так и политике ее стимулирования, его правомерность не является бесспорной. Адекватная экономическая дискуссия по этому вопросу, однако, до сих пор отсутствует. Во-вторых, по итогам 2024 г. самые высокие показатели прироста цен (22,1%) наблюдались в группе плодоовощной продукции; в частности, цены картофеля увеличились на 91,9%, лука репчатого – на 48,2%, капусты белокочанной – на 44,7%. Было бы крайне наивно надеяться, что повышение ключевой ставки ЦБР может оказать понижающее влияние на цены соответствующих товаров. В-третьих, уже в ноябре 2024 г. процентные ставки по банковским депозитам, ориентированные на ключевую ставку ЦБР, были сопоставимы с маржинальностью многих направлений бизнеса, что подрывает стимулы к ведению операций в реальном секторе. Наконец, в-четвертых, сокращение стимулов к росту потребительского кредитования может не менее

эффективно противостоять росту инфляционных тенденций, не имея при этом негативных последствий, связанных с повышением ключевой ставки.

Тем не менее, в IV квартале 2024 г. в российской экономической политике возобладала линия на борьбу с пресловутым «перегревом экономики» вместо того, чтобы сфокусировать усилия на ликвидации «узких мест» на стороне предложения, препятствующих продолжению экономического роста в условиях расширения внутреннего спроса. Между тем, именно создание условий для расширения предложения товаров и услуг в условиях возросшего внутреннего спроса является безусловным приоритетом в современных условиях, достижение которого будет способствовать решению сразу трех задач. Во-первых, это обеспечение полноценного перехода на новую модель экономического развития, связанную с обслуживанием внутреннего спроса с преимущественной опорой на инициативу и усилия национального бизнеса. Существенно, что данная модель наиболее адекватна для противостояния сформировавшимся в начале 2025 г. новым вызовам, которые связаны с рисками падения экспортных доходов России в условиях глобальной неопределенности, вызванной тарифными инициативами Д. Трампа. Во-вторых, это снижение инфляционного давления благодаря росту предложения товаров российского производства. В-третьих, это повышение производственного потенциала российской экономики, необходимое в условиях острой геополитической конфронтации с ведущими экономически развитыми странами мира. В случае, если соответствующие задачи удастся решить, проявившиеся в 2024 г. факторы замедления российской экономики смогут быть с существенной мерой нейтрализованы, обеспечив темпы роста ВВП в 2025 г. диапазоне на уровне не менее 2,5–3,0%. В противном случае, т.е. при отсутствии прогресса в поддержке предложения товаров и услуг и удержании высокого уровня ключевой ставки, темпы экономического роста вряд ли смогут превысить 2%.